

И. А. Микаберидзе

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЕРБАЛЬНОГО И НЕВЕРБАЛЬНОГО КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПОНЕНТОВ В РУССКОЙ И ЕВРЕЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

*Работа представлена кафедрой фонетики английского языка
Пятигорского государственного лингвистического университета.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. Л. Грейдина*

В данной работе на материале сопоставительного анализа русской и еврейской лингвокультур анализируются функциональные и временные уровни взаимодействия вербального и невербального компонентов коммуникации; национально-культурные особенности невербального общения, его мимического, жестового, проксемического и такесического параметров.

The article reflects the problems of functional and temporal levels of verbal and nonverbal interaction in communication; national and cultural specificity of nonverbal communication, its mimicry, gesture, proxemic and tacesic parameters are analysed by the material of the contrastive analysis of the Russian and Jewish linguistic cultures.

Ввиду роста масштабов межкультурного сотрудничества проблема взаимодей-

ствия всех компонентов речевого поведения коммуникантов привлекает внимание

многих специалистов, предметом изучения которых является коммуникативный процесс как таковой. Исследованию национально-культурной специфики коммуникации, в том числе ее невербальной составляющей, в последнее время уделяется достаточно много внимания в работах как отечественных, так и зарубежных ученых.

Система невербальных средств конкретного языка носит ярко выраженный национальный характер, ибо она в каждой культуре приобретает особый самостоятельный смысл.

Сопоставительное изучение невербального пласта неродственных коммуникативных систем русского и иврита остается лакуной, подобное контрастивное лингвокультурное описание не проводилось.

В представленном нами исследовании проанализированы мимический, жестовый, проксемический и такесический уровни невербальной коммуникации в русской и еврейской лингвокультурах.

Материалом исследования явились наблюдения, видеозаписи, сделанные автором в России и Израиле, художественные фильмы российского и израильского производства, телевизионные передачи этих стран, художественные, исторические, научно-публицистические издания на русском языке о русской и еврейской культурах.

Нами отмечено, что формо-функциональные реализации проявления шести основных эмоций (радость/счастье, удивление/изумление, страх/испуг, отвращение/презрение, печаль/отчаяние, гнев/ярость) на мимическом уровне тождественны в обеих лингвокультурах (табл. 1).

Результаты первого этапа исследования позволили выявить следующие различия в функциональных детерминантах и особенностях улыбки в русской и еврейской лингвокультурах: для русских коммуникантов характерна бытовая неулыбчивость как нормативная бытовая мимика²; веской причиной для улыбки русского собеседника является текущее материальное благопо-

лучие, личное искреннее расположение к собеседнику, хорошее настроение. Еврейские коммуниканты более улыбчивы. Улыбка у них является не только признаком общего благополучия. Принято улыбаться знакомым и незнакомым; при выполнении серьезных дел, служебных обязанностей в сфере сервиса; для того чтобы сделать приятное собеседнику, без особых веских причин; улыбаются дети в школе, при разговоре со взрослыми. Это нехарактерно для русской лингвокультуры. Для еврейских партнеров по общению характерна улыбка как проявление приветливости и доброжелательности. Улыбка еврейских коммуникантов по своим функциям и особенностям ближе к американской, чем к русской.

В обеих лингвокультурах используются различные функциональные уровни невербального мимического канала (дублирование, элиминирование, редуцирование: соответственно в русской лингвокультуре – 55, 35, 10%, в еврейской – 40, 48, 12%), но в русской чаще применяется дублирование (55 против 40%), а в еврейской – элиминирование (48 против 35%).

Наибольшую реализацию в обеих лингвокультурах получает одновременное употребление вербального и мимического компонентов (в русской лингвокультуре – 68%, в еврейской – 65%). В силу исторических причин развития различных этнических групп, составляющих еврейскую нацию, мимика еврейских коммуникантов более живая и выразительная, поэтому мимический компонент чаще (25%), чем у русскоязычных (20%), опережает вербальный компонент. Мимический компонент после вербального используется значительно реже в обеих лингвокультурах (в русской лингвокультуре – в 12%, в еврейской – 10%).

В проанализированном нами материале выявлены жесты приветствия, прощания, утверждения, отрицания, привлечения внимания, приглашения, призыва, указа-

Таблица 1

Мимические проявления основных эмоций в русской и еврейской лингвокультурах

Эмоции	Мимические проявления	
	В русской лингвокультуре	В еврейской лингвокультуре
Радость/ счастье	Ольга радостно смеется: «Они (дети) у меня молодцы!» (Брови приподняты, глаза широко раскрыты, морщинки вокруг глаз, рот открыт, уголки рта приподняты, обнажены верхние и нижние зубы; лицо динамичное) (ВГВ) ¹ .	Джули (продавщица книжного магазина, работает с Дафной) радостно улыбается: "אני שמחה שחזרת, התגעגעתי עליך" – «Я рада, что ты вернулась, я скучала» (Брови приподняты, глаза раскрыты, блестят, рот широко открыт, обнажены верхние и нижние зубы, уголки рта приподняты, глубокие носогубные складки; лицо динамичное) (Э)
Удивление/ изумление	Стас: «Колька теперь мой лучший кореш». Ольга удивляется: «Колька?» (Брови подняты, горизонтальные складки на лбу, глаза широко открыты, рот приоткрыт, уголки губ приподняты; лицо динамичное) (ВГВ)	Дафна удивляется, когда видит в бассейне Ами Мора "עמיו? שלא ידעתי שאתה בא לפה" – «Ами? Не знала, что ты сюда ходишь» (Брови высоко подняты, вопросительно изогнуты, на лбу горизонтальные морщины, глаза широко открыты, видны белки глаз снизу; рот открыт, видны верхние зубы; уголки губ приподняты; лицо динамичное) (Э)
Страх/испуг	Ольга: «Господи, как же ты меня напугал!» (Брови подняты, немного изогнуты, на лбу продольные морщины, глаза широко открыты, рот полуоткрыт, носогубные складки сглажены; лицо застывшее) (ВГВ)	Ами: "הרגשתי שרוצה לגעת בכך" – «Я почувствовал, что хочу прикоснуться к тебе...» (На лице Дафны выражение страха: у переносицы вертикальные морщины, глаза неподвижно устремлены на Ами, в них испуг с вопросом, рот приоткрыт, носогубные складки сглажены; лицо застывшее) (Э)
Отвращение/ презрение	Надя выпила горькие капли: «Фу, как противно!» (на лбу, переносице поперечные морщины, брови опущены, верхние веки опущены, нос сморщен, щеки приподняты, губы сжаты, выражены окологубные и носогубные складки; лицо динамичное) (ВГВ)	Мейрав с презрением рассказывает своей подруге Дафне о бывшем любовнике: "אני לא רוצה לדבר עליו" – «Я не хочу говорить о нем» (поперечные морщины на переносице, нос сморщен, щеки напряжены, приподняты, губы сжаты, окологубные и носогубные складки выражены; лицо динамичное) (Э)
Печаль/ отчаяние, горе, тоска, страдание	«Это у людей праздник, а я не человек» (На лице Ольги выражение тоски, отчаяния, безнадежности: продольные, неглубокие морщины на лбу, у переносицы вертикальные морщины, брови опущены, глаза полуприкрыты, неподвижный взгляд вниз, темные круги под глазами, носогубные складки сглажены, уголки глаз опущены; лицо статичное) (ВГВ)	Дафна принимает соболезнования по поводу смерти отца: на лбу продольные, неглубокие морщины, у переносицы вертикальные морщины. брови опущены. верхние веки опущены, глаза прикрыты. рот закрыт. на лице легкая печальная улыбка; лицо статичное) (Э)
Гнев/ярость, возмущение	Муж Стас возмущается тем, что его уличают во лжи: «Я же говорил, это подарок. Я его полдня искал!» (Брови подняты, на переносице вертикальные морщины, глаза сужены, взгляд жесткий, губы плотно сжаты, уголки губ опущены, ноздри раздуваются; лицо динамичное) (ВГВ)	Мейрав возмущается, когда ее начальник (любовник) увольняет ее: "אתה מפטר אותי?" אבל החלטת שלא כדי לכלכל את הערב האחרון ביהד?" – «Ты увольняешь меня? Но решил, что не стоит портить наш последний вечер вместе?» (Брови подняты, глаза прищурены, взгляд жесткий, уголки губ опущены, губы напряженно приоткрыты; лицо динамичное) (Э)

ния, жесты, эксплицирующие внимание к собеседнику, жесты неуверенности, растерянности, напряженности, выражения сочувствия. Наибольшее количество национально-специфических жестов отмечено среди жестов приветствия – 43,3%, в том числе 30,0% в русской лингвокультуре и 13,3% в еврейской) и прощания – 45,9% (29,7% в русской лингвокультуре, 16,2% в еврейской). В связи с тем что в русской лингвокультуре значительно больше вербальных аналогов жестов, в частности, приветствия, прощания, чем в еврейской, то, на наш взгляд, и количество национально-специфических жестов в этих категориях в русской лингвокультуре больше.

Ивритоговорящие коммуниканты чаще, чем русскоговорящие, используют жесты-указания на область сердца, раскрывающие душевное состояние, сочувствие, соболезнование, тревогу, внимание, чувство любви, клятву.

В процессе выслушивания ивритоязычными коммуникантами часто делается удивленный взгляд, чтобы показать большую заинтересованность в информации адресанта. Это сопровождается коротким вопросительным возгласом "כן?" («Да?») или "לא יכול להיות!" («Не может быть!»), "מה את אומר?" («Что ты говоришь?»).

Русская жестикуляция отличается относительной сдержанностью – 40 жестов в час³, еврейская – интенсивностью (по нашим подсчетам, 120–140 жестов в час). Темп, интенсивность движений, иллюстративность речи превалируют в еврейской лингвокультуре: это экспрессивность и интенсивность жестов, свобода и открытость движений рук, что объясняется национальным темпераментом, нервной жизнью, влиянием арабского окружения.

Русские жесты характеризуются следующими параметрами: радиус движения ограничен в диапазоне; ось движения чаще всего сохраняется постоянной; может использоваться предплечье или вся рука; форма движения проста; одной-двух частей

тела оказывается достаточно для выражения определенной эмблемы; темп движения средний; физический контакт при беседе характерен. Для еврейских жестов характерно: радиус движения широк в диапазоне; ось движения изменяется; чаще используется вся рука; кажущееся сложным движение, на самом деле состоит из двух-трех довольно простых элементов; в большинстве эмблем задействованы несколько частей тела; темп движения обычно интенсивный; физический контакт с собеседником имеет определенное значение.

Наши наблюдения выявили, что жестовый невербальный канал, как и мимический, продуктивнее используется в еврейской лингвокультуре, которую можно отнести к высококинесической (русскую – к среднекинесической). В обеих лингвокультурах используются различные функциональные уровни (дублирование, элиминирование, редуцирование). В русской лингвокультуре частотность их реализации определяется 60, 34, 6%, в еврейской – 42, 50, 8% соответственно. Однако в русской лингвокультуре чаще применяется дублирование (60 против 42%), а в еврейской – элиминирование (50 против 34%). Наибольшую реализацию в обеих лингвокультурах получает одновременное употребление жеста и вербального компонента (в русской лингвокультуре – 90%, в еврейской – 85%); опережающее употребление жестов в русской лингвокультуре – 5%, в еврейской – 10%; употребление жестов после вербального компонента – соответственно 5 и 5%.

Результаты второго этапа исследования позволили определить личную (персональную) дистанцию при общении русскоязычных и ивритоязычных коммуникантов.

Нами определено, что личная коммуникативная дистанция между русскоязычными коммуникантами 10–20 лет составляет 52–68 см (60 ± 8); 21–40 лет: 70–90 см (80 ± 10); 41–60 лет: 67–83 см (75 ± 8); между ивритоязычными коммуникантами тех же

возрастных групп: 10–20 лет: 40–60 см (50 ± 10); 21–40 лет: 66–82 см (74 ± 8); 41–60 лет: 54–78 см (66 ± 12). Следовательно, коммуникативная дистанция во всех возрастных группах в еврейской лингвокультуре меньше, чем в тех же возрастных группах русской; наименьшая личная дистанция при общении характерна для детей и подростков; в возрастной группе 21–40 лет личная дистанция максимальна как в русской, так и в еврейской лингвокультурах, но отличается примерно на 8–10 см.

Личная дистанция между русскоязычными коммуникантами маскулинной категории составила 78–90 см (84 ± 6), фемининной категории 50–66 см (58 ± 8), маскулинно-фемининной категории 63–77 см (70 ± 7); между ивритоязычными коммуникантами маскулинной категории 68–82 см (75 ± 7), фемининной категории 44–60 см (52 ± 8), маскулинно-фемининной категории 54–70 см (62 ± 8), т. е. в этой категории выявлена такая же закономерность.

Личная дистанция между русскоязычными коммуникантами в положении сидя составила 72–88 см (80 ± 8), стоя 65–85 см (75 ± 10); между ивритоязычными коммуникантами в положении сидя 58–78 см (68 ± 10), стоя 48–72 см (60 ± 12), т. е. в положении и сидя, и стоя, еврейские коммуниканты, как правило, располагаются ближе друг к другу, чем русские.

Для общения коммуникантов различного социального статуса выявлена следующая закономерность: представители атождественного социального статуса русской и еврейской лингвокультур в процессе общения находятся на большей дистанции друг от друга (в русской лингвокультуре 74–90 см, в еврейской – 62–82 см), чем коммуниканты тождественного статуса, и приблизительно на том же расстоянии, что коммуниканты высокого уровня тождественного статуса (70–90 см в русской, 58–82 см в еврейской), а коммуниканты, стоящие на более высокой ступени социальной лестницы, – на большем расстоянии, чем нахо-

дящиеся на более низкой ступени (55–75 см в русской, 43–67 см в еврейской лингвокультуре).

Рассматривая такесический параметр, мы определили, что как русская, так и еврейская лингвокультуры являются контактными (контактными называют культуры, представители которых общаются, располагаясь на небольшом расстоянии друг от друга, фронтально по отношению друг к другу, чаще прикасаются друг к другу и встречаются взглядами, говорят громче⁴). Физическое наказание детей в еврейской лингвокультуре в отличие от русской не применяется; не принята форма дотрагивания до собеседника во время разговора, прикосновения к ученикам, отталкивания друг друга во время ссоры, хлопки по колену, вожделения за руку детей всех возрастов (за руку водят только маленьких детей), ходьбы под руку (ходят за руку), дотрагивания до покойника. Как русские, так и еврейские родители могут гладить, обнимать, ласкать детей, даже подростков. В такесическом поведении еврейских коммуникантов, как и в других параметрах невербального поведения, отсутствует статусная дифференцированность, в частности, между школьниками и учителями. Некоторые различия касаются такесических различий в поведении светских и религиозных евреев: религиозные мужчины и женщины в транспорте не могут садиться рядом друг с другом; ортодоксальные еврей-мужчины за руку с женщинами не здороваются; у светских евреев допускается дотрагивание до лица как своего, так и противоположного пола, у ортодоксальных евреев дотрагивание до лица противоположного пола не допускается.

Анализ взаимодействия вербальных и невербальных средств коммуникации позволяет сделать следующие выводы относительно особенностей русского и еврейского общения.

1. Речевая коммуникация структурирована взаимодействующими компонентами – вербальным и невербальным. При

этом индивидуальный стиль речи коммуниканта включает особенности, характеризующие принадлежность говорящего к определенной социальной среде, профессии, образованию и практической деятельности.

2. Невербальное общение, выходя за рамки одной лингвокультурной группы, сталкивается с проблемами декодирования кодов, которые могут интерпретироваться согласно существующим знаниям их получателя, приобретенным в рамках своей национальной культуры. Культурно обусловленная коммуникативная компетентность способствует взаимному «соглашению» коммуникантов о трактовке невербальных значений.

3. Невербальная коммуникация сопряжена с гендерными, возрастными, этническими и социальными нормативами, имеющими определенное межкультурное сходство и различие. В рамках четко очерченной ситуации коммуникации имеются некоторые стилевые особенности, свойственные преимущественно мужчинам или женщинам. Гендерные различия в еврейской лингвокультуре более заметны среди религиозной части еврейского населения. В русском общении выражена возрастная субординация, в еврейской культуре возрастная дистанция отсутствует, что делает допустимым обращение младших к старшим по имени и на «ты», акцент делается на такую социально-культурную ценность, как равенство. Дифференцированный статус адресанта и адресата в процессе коммуникации подчеркивает социальное неравенство коммуникантов в русской лингвокультуре, являясь иррелевантным при общении коммуникантов в еврейской лингвокультуре. В русской лингвокультуре основной тональностью общения является «Вы»-общение, которое соответствует обращению по имени-отчеству; в еврейской лингвокультуре – «ты»-общение, соответствующее обращению по имени.

4. В обеих лингвокультурах используются различные уровни функционального взаимодействия вербального и мимического каналов (дублирование, элиминирование, редуцирование: соответственно в русской лингвокультуре – 55, 35, 10%, в еврейской – 40, 48, 12%), но в русской чаще применяется дублирование (55 против 40%), а в еврейской – элиминирование (48 против 35%). Наибольшую реализацию в обеих лингвокультурах получает одновременное употребление вербального и мимического компонентов (в русской лингвокультуре – 68%, в еврейской – 65%).

Мимические проявления основных эмоций универсальны в обеих лингвокультурах. Культурно обусловленными являются функции и особенности улыбки: у еврейских коммуникантов улыбка – это и формальный знак культуры, и биологическая реакция на положительные эмоции, у русских – только последнее. Еврейские коммуниканты улыбаются вследствие подтверждения норм социального символизма (улыбка – это символ приветствия, благодарности, извинения и т. д.). В русской коммуникации улыбка выполняет функцию личностного символизма.

5. В связи с относительно недавним возрождением иврита как языка коммуникации в еврейской лингвокультуре опережающими темпами развивался невербальный компонент речи, особенно в форме жестов. Жестовый невербальный канал, как и мимический, продуктивнее используется в еврейской лингвокультуре.

6. Максимальное количество используемых национально-специфических жестов выявлено среди жестов приветствия, прощания, а также символических в русской лингвокультуре, что связано с большим числом их вербальных аналогов. Минимальное количество национально-специфических жестов в обеих лингвокультурах отмечено среди жестов утверждения, отрицания, привлечения внимания, приглашения, указательных жестов и жестах, пере-

дающих неуверенность, растерянность, напряженность, выражающих сочувствие.

7. Коммуникативная дистанция во всех возрастных, различных гендерных группах, между коммуникантами разного социального статуса и локализации в еврейской лингвокультуре на 8–10 см меньше, чем в тех же группах русской.

8. Русская и еврейская лингвокультуры являются контактными. В такесическом поведении еврейских коммуникантов, как и в других параметрах невербального поведения, отсутствует статусная дифференцированность. Существуют такесические различия в поведении светских и религиозных евреев.

9. Специфика русской лингвокультуры ограничивает использование невербальных средств в процессе коммуникации по сравнению с еврейской. В русской лингвокультуре максимально выражены лингвистические формы выражения, в еврейской – невербальные.

10. В русской лингвокультуре наиболее продуктивным уровнем невербальной коммуникации является дублирование словесных и несловесных компонентов, в еврейской – элиминирование языковых компонентов. Наименее продуктивным уровнем в

обеих лингвокультурах является редуцирование вербальных элементов.

11. В еврейской лингвокультуре кинесический уровень коммуникации носит более выраженный характер, чем в русской лингвокультуре. Русская лингвокультура является среднекинесической, еврейская – высококинесической.

12. Формо-функциональные реализации проявления шести основных эмоций на мимическом уровне тождественны в обеих лингвокультурах. Различия состоят в функциональных детерминантах и особенностях улыбки.

13. Проксемическое поведение русскоязычных и ивритоязычных коммуникантов качественно совпадает, однако общение ивритоязычных коммуникантов происходит на меньшем расстоянии, чем русскоязычных.

Таким образом, взаимодействие вербального и невербального компонентов коммуникативного акта в русской и еврейской лингвокультурах имеет как общие, так и специфические черты, наполненные лингвокультурным содержанием, которые необходимо осознавать и учитывать в процессе межкультурной коммуникации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Условные обозначения телевизионных и видеофильмов: ВГВ – «Всегда говори всегда»; פ – "פיתוי" («Соблазн»).

² *Стернин И. А.* Улыбка в русском коммуникативном поведении // Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: ВГТУ, 2000. С. 53–61.

³ *Акишина А. А., Кано Х.* Национальная специфика коммуникации и словарь русских жестов // Словари и лингвострановедение. М.: Русский язык, 1982. С. 157–162.

⁴ *Watson O. M.* Proxemic behavior: A cross-cultural study. The Hague: Mouton, 1970.